

Журнал «Воспитание школьников» № 5. 2024. Этнопедагогика. С. 68-80
Journal "Education of schoolchildren" № 5. 2024. Ethnopedagogy. P. 68-80

Татьяна Голованева*

Традиционное воспитание девочек в семьях камчатских коряков- чавчуменов в 1950–70-е гг.

(на материале женских
воспоминаний о детстве)

Фото к статье см. на цвет-
ной вкладке номера.

Научная статья
УДК 394.21(=551.3)
DOI: 10.47639/0130-0776_2024_5_68

*Татьяна Александровна Голованева, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора фольклора народов Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск, gta-77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4980-8150>

Аннотация. В статье представлен анализ гендерных аспектов воспитания девочек в традиционной культуре камчатских коряков-чавчуменов (оленьих коряков). Исследование проведено на материале устных автобиографических воспоминаний, записанных с 2009 по 2023 г. от представительниц старшего поколения чавчуменских женщин, взросление которых проходило в традиционной этнической среде в 1950–70-е гг. В корякских семьях показателем взросления девочки был уровень ее мастерства: опыт освоения сложной технологии шитья из оленьих шкур. Девочек семи-восьми лет начинали обучать скручиванию ниток из оленьих сухожилий, выделке оленьих шкур, шитью меховой одежды. Однако чавчуменских девочек привлекал и мужской промысел: участие в окаравливании табуна, охота на снежных баранов, охота на тюленей, рыбалка. Коряки-чавчумены исторически всю свою жизнь проводили в кочевьях, следуя за табунами оленей, поэтому и мальчики, и девочки воспринимали кочевой образ жизни как наиболее желанный. В культуре коряков-чавчуменов пересечение гендерных барьеров для девочки-подростка было не только возможно, но даже типично. Братья, отец, дедушка охотно принимали ее в свой круг. Другая уникальная черта корякской системы воспитания обусловлена верой коряков в реинкарнацию. К ребенку относились с учетом того, чья душа из старших родственников в нем переродилась. Нет свидетельств о применении физических наказаний по отношению к детям в корякских семьях. Запреты были связаны не с бытом, а с ритуальными, знаковыми для культуры ситуациями и воспринимались детьми естественно, по мере их взросления и участия в ритуальных практиках.

Ключевые слова: народы Арктики, коренные народы Камчатки, коряки, чавчумены, традиционная культура коряков, этнопедагогика, семейное воспитание, детство, воспоминания о детстве, эго-нарративы, вера в реинкарнацию, историческая этнология, гендерные исследования, женская повседневность

Для цитирования: Голованева Т. А. Традиционное воспитание девочек в семьях камчатских коряков-чавчуменов в 1950–70-е гг. (на материале женских воспоминаний о детстве) // Воспитание школьников. 2024. № 5. С. 68-80. DOI: 10.47639/0130-0776_2024_5_68

Введение. Коряки относятся к коренным малочисленным народам РФ¹. Этноним «коряки» используют по отношению к двум субэтническим группам, которые, с учетом их самоназвания, определяют как «чавчумены» (от корякского слова *чаучу* ‘богатый оленями’, исторически —

¹ URL: О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации от 24 марта 2000 г. - docs.cntd.ru.

кочевники-оленеводы) и «нымыланы» (от корякского слова *нымылъу* 'поселяне', исторически – (полу) оседлые морские зверобои и рыболовы)². Коряки проживают на территории Камчатского края, отчасти на юге Чукотского автономного округа, небольшие поселения есть в Магаданской области.

Этнографическое описание корякской культуры представлено в монографических работах В.И. Иохельсона, Н.Н. Беретти, С.Н. Стебницкого, В.В. Антроповой, И.С. Вдовина, В.В. Горбачевой, Ю.Б. Симченко и В.В. Лебедева, Л.Н. Хаховской. Феномен детства отчасти рассмотрен в статье этнографа и лингвиста С.Н. Стебницкого «Корякские дети» [2]. С 1927 по 1929 г. он работал учителем сначала в Тиличкинском туземном интернате, а потом – в Кичигинской туземной школе.

Мальчики много и с интересом общались с русским учителем, который выучил корякский язык. Их активное поведение и смелые рассуждения привлекали к себе внимание С.Н. Стебницкого и удивляли его настолько, что он даже опубликовал фрагменты диалогов со своими учениками, а также описал

² На основе археологических данных было установлено, что древнекорякская культура сформировалась на территории Тауйской губы Охотского побережья к V в. н. э. (ныне территория Магаданской области). В ходе естественной миграции к XVII в. племена морских зверобоев заселили северные районы и перешеек Камчатского полуострова. Культура оленных коряков-чавчуменов является более поздней относительно культуры оседлых (береговых) коряков-нымыланов. Она возникла в результате перехода отдельных групп приморских жителей к другому типу хозяйствования: от морского зверобойного промысла и рыболовства к сухопутной охоте и крупностадному оленеводству [1, с. 95].

Сергей Николаевич Стебницкий (19.02.1906–2.11.1941), полевик, лингвист, этнограф, учитель, исследователь культуры и языка коренных народов Камчатки. СПбФ Архив РАН. Фонд 155, оп. 4, д. 4158, л. 1.

некоторые эпизоды школьной жизни в своей статье [Там же, с. 42–44]. В то же время, мир корякской девочки остался почти не замечен для взгляда этнографа. Показательно, что в «Книге для чтения на корякском языке» героями рассказов тоже являются мальчики [3]. Об особенностях семейного воспитания девочек в традиционной культуре коряков-чавчуменов известно мало, так как эта тема еще никогда не была предметом специального исследования.

Материалы и методы. Цель статьи заключается в изучении гендерных аспектов воспитания девочек в чавчувенской традиционной культуре. В отличие от этнографического подхода, который предполагает объективную беспристрастность, история повседневности рассматривает субъективные свидетельства как объективно значимые факты [4]. В соответствии с принятой методологией в центре нашего внимания – эго-нарративы носителей одной этнолокальной культуры. Анализ проведен на материале устных автобиографических вос-

Илл. к рассказу Кеция Кеккетина на корякском языке «В'эньятгыйнын» 'Помощь' // Кеккетин К. Книга для чтения для 1-го класса нымыланской начальной школы / ред. С. Н. Стебницкий. М.; Л.: Учпедгиз, 1936. С. 84.

поминаний, записанных от старшего поколения чавчунских женщин: Н.С. Кузнецовой-Кергувье³, А.А. Кергильхот⁴, Н.М. Тынанто⁵, Л.А. Аймык⁶, взросление которых

³ Кузнецова-Кергувье Надежда Семеновна (национальное имя *Нутэнуэ'ыт*, в девичестве Нутенеуг, в первом браке – Кергувье, во втором браке – Кузнецова), 29.01.1949–11.11.2023, родилась в окрестностях с. Верхние Пахачи Олюторского района Корякского национального округа, вблизи гор Тыэйинэю *Тыг'эйнуэю* 'Зовущие горы'.

⁴ Кергильхот Александра Алексеевна (национальные имена *Этты*, *Мамак*, в девичестве Кергильхот, после заключения брака Симонова), 1951–2016, родилась в окрестностях поселения Ветроваяя Олюторского района Корякского национального округа. Воспоминания А.А. Кергильхот опубликованы на корякском языке с переводом на русский [6].

⁵ Тынанто Нина Макаровна (национальное имя *Юлты*, в девичестве Юлтын, в браке Тынанто), родилась в 1942 г., в с. Слатное Пенжинского района Корякского национального округа.

⁶ Аймык Лилия Александровна (в девичестве Аймык, после заключения брака Аслапова, чавчунские имена *Льг'атына*, *Гинки*), родилась в 1970 г. в окрестностях с. Верхние Пахачи Олюторского района Корякского национального округа. Воспо-

ходило в традиционной этнической среде.

В ходе серии интервью использовался метод включенного наблюдения. Автобиографические воспоминания были рассказаны исполнительницами на корякском языке⁷, в некоторых случаях – на русском. Аудиозаписи бесед были расшифрованы нами совместно с Е.П. Прониной⁸ и переведены с ко-

минания Л.А. Аймык на корякском и русском языках опубликованы в издании [5].

⁷ В настоящее время на севере Камчатки русский язык является доминирующим средством общения, поэтому все наши рассказчицы в повседневной жизни, как правило, говорят по-русски, однако для каждой из них – корякский (чавчунский) является первым освоенным языком. Наши интервью были лингвистически ориентированными, поэтому в процессе общения мы просили рассказчиц говорить по-корякски.

⁸ Пронина Евдокия Павловна (в девичестве Нинани, в браке – Пронина, чавчунское имя *Каляг'ац*, эвенское имя *Авдача*), родилась в Петропавловске-Камчатском, с раннего детства жила вместе с семьей в с. Верхние Пахачи, затем длительное время – в с. Хаилино Олюторского района, учитель родного (корякского) языка, редактор книг на корякском языке.

рякского на русский язык, часть материалов опубликована [5, 6]. Автобиографические тексты (эго-нарративы) создаются конкретной личностью в определенной коммуникативной ситуации: в кругу семейного общения или в рамках интервью. Эго-нарративы ориентированы на достоверность изображения произошедших с рассказчиком событий, при этом они, так же как и фольклорные тексты, «всегда отражают восприятие времени и его событий под определенным углом зрения, который нельзя считать непредвзятым» [7, с. 5].

Следует отметить, что мемуары на корякском языке — явление исключительно редкое. Личная история коряков существует только как устная, так как корякская письменность, разработанная лингвистами в 1930-е гг. и несколько измененная в 1960-м г., не получила успешного развития⁹. Не будучи зафиксированной в документах или в пу-

⁹ Корякский язык как учебный предмет был упразднен из образовательных программ школ Корякского национального округа в 1953 г. [8, с. 289]. Данное решение значительно осложнило приобщение коренного населения севера Камчатки к национальной письменности. Для этнических коряков, родившихся в 1940–60-е гг., корякский был первым освоенным языком, однако в силу указанной причины они не знают принципы и правила национальной письменности. Созданная для корякского языка система письма не является «интуитивно понятной». Она требует целенаправленного обучения специальным навыкам, не овладев которыми носители корякского языка не могут ни записать, ни прочитать национальный текст. В настоящее время корякский язык преподается в школах северных районов Камчатки, однако он уже не является средством общения в семьях. Межпоколенческая трансляция корякского языка практически прекратилась. Дети северных районов Камчатки общаются по-русски и корякский изучают в школе как иностранный.

бликациях мемуарного характера, субъективная история представитель корякского этноса растворяется в потоке исторического времени, не оставляя свидетельств, а вместе с тем, не давая возможности в последующем обратиться к осмыслению уникального жизненного опыта, обусловленного не только особенностями индивидуальной психики, но и своеобразной этнокультурной средой.

Результаты. Культура коряков-чавчуенов сохраняла свою самобытность вплоть до 1970-х гг.¹⁰ Период 1950–70-х гг. — время расцвета оленеводческих совхозов Камчатки. В это время в северных поселках полуострова отчасти продолжал сохраняться традиционный уклад жизни коряков-чавчуенов, так как мужское население оленеводческих совхозов занималось крупнотабунным оленеводством. Устойчивость традиционного промысла способствовала сохранности национального языка даже в условиях неравноправного двуязычия¹¹. В 1950–70-е гг. на корякском языке говорило все местное население севера Камчатки¹². Летом многие

¹⁰ Некоторые элементы традиционной обрядовой практики остаются актуальными до сих пор, в частности, наиболее устойчивыми являются обряд кремации и обряд поиска имени новорожденному [9, с. 236–254, с. 170–172], а также обычай бескровного жертвоприношения *инэлвэт* [6, с. 128–129] и обряды почитания священных мест [10, с. 135–136].

¹¹ После 1970-х гг. в северных поселках Камчатки доминирующим языком постепенно стал русский, что было обусловлено наплывом русскоязычных приезжих с материка, которые вербовались на строительные работы, в рыболовецкую отрасль, в сферу услуг, а затем постепенно создавали семьи и оставались жить в поселках.

¹² В настоящее время корякский язык относится к исчезающим, по данным переписи населения 2010 г. 2191 человек отметили,

чавчувенские семьи кочевали вместе с совхозными и частными табунами, жили в переносных ярангах и вели образ жизни, приближенный к традиционному, хотя совхозным работникам давали жилье в деревянных домах, построенных по русскому типу, и поощряли переход кочевого населения к оседлости.

Для чавчувенов кочевой образ жизни – естественный. Всю жизнь следуя за оленями, коряки-чавчумены воспринимали трудности пути как привычные. Вспоминает Лилия Александровна Аймык: «Все мое детство, вся юность прошли в тундре. Ходили пешком все время. И никогда такого не было: ой устала, ой, не смогу. Вот идешь кочевать вперед, идешь, идешь. Даже не знаю, сколько километров. Мы отправлялись, наверно, в одиннадцать, а на место становились часов в шесть-семь. И вот часов семь идешь-идешь без остановки. Конечно, бывало, и перерывы делали. Чай попьем, особенно старики. Полчасика посидят и дальше. Табун вдоль сопок пасется, мы мимо него проходим, чтобы нам его было видно. Когда мы кочуем, то догоняем табун, а потом он уже нас догоняет, через сутки, через два дня. Только дежурные уходят-приходят в табун, уходят-приходят. Мы идем – табун идет, табун идет – мы идем. И вот так кочуем-кочуем до моря. А потом обратно» [5, с. 64].

Строгое разделение мужских и женских обязанностей в корякской традиционной системе ведения хозяйства служило основой выживания семьи. Однако, как свидетельствуют воспоминания чавчувенских

что владеют корякским языком (URL: ВПН-2010 (rosstat.gov.ru). Том 4 «Национальный состав и владение языками, § 22 «Население коренных малочисленных народов Российской Федерации по родному языку»). Для сравнения: 7953 человека определили свою национальность как «коряки» (Там же, § 1 «Национальный состав населения»).

женщин, закрепление гендерных ролей, тем не менее, происходило достаточно мягко, без каких-либо карательных способов принуждения. Девочка, подрастая, чувствовала себя помощницей. Маме, бабушке, тетям была необходима помощь подрастающих мастериц при починке огромного покрытия яранги, при шитье одежды из оленьих шкур.

Скручивание ниток из оленьих сухожилий, выделка оленьих шкур, шитье меховой одежды – трудоемкая, кропотливая работа, требующая не только терпения, но и специальных навыков, которым обязательно обучали чавчувенских девочек. В памяти каждой из наших рассказчиц сохранились эпизоды обучения шитью. Рассказывает Нина Макаровна Тынанто: «Сначала вместе с мамой мы начинаем шкуру растягивать ногами. Я тоже телячьи шкуры выделывала. Растягиваю их ногами, очищаю их полностью, вот как мама делает, тоже точно так делаю. Мою [шкуру] на место просушки [вешаем], выделанные шкуры развешиваем. У них повыше, а у меня пониже, точно так же [висит]. Наверное, три шкуры [так висят], и вот бабушка Ётын подойдет, посмотрит: моя шкура. И начинает меня хвалить. Потом спросит: «Что будешь делать, внучка, из этой шкуры?» Я [отвечаю]: «Колоку для огнива чехол сошью. стаканчик сошью». Она: «Да, отлично смягчила [шкуру]»¹³ (здесь

¹³ *И қонһуу тыков'эньняһувоунав'. Пыче вместе мама вава мую ётымапы мытког'аптылг'анһувоунав. Гыммо г'опта телячьи шкуры тоже г'опта выделывала. Тыкуг'аптыунав', тыкукэһуоунав' ымыу, миүкые вава кэһувоу тоже ыһуыг'ан делаю, ага. Гымнин никы-һут энаннёпатынвын амин выделанные шкуры мытконнёпань[һунав']. У них повыше, а у меня пониже ыһуыг'ан г'опта. Наверно, три шкуры и чамьяқ бабушка Ётыу подойдет, смотрит: моя шкура.*

и далее перевод с коряк. яз. Т.А. Головановой, Е.П. Прониной).

Отношение к своему детству как этнографически уникальному предопределило стремление чавчувенских женщин не только рассказать о своих чувствах, но и подробно описать традиционную технологию, которая в настоящее время сохраняется лишь как реликтовая. Так, Лилия Александровна Аймык, вспоминая эпизоды из своего детства, подробно объясняет, как скручивать нити из оленьих сухожилий: «Йыччыт или рыччыт – это нитки, сухожилия, которые вытаскивают из мышц ног [оленя]. Ох, как трудно эти сухожилия вытаскивать. Если не поймашь правильно, если надрез неправильно сделаешь в мышцах, то вообще не получится. Я училась очень долго. Мама показывала: она делает, а я рядом смотрю. Сухожилие надо именно вытянуть, резать нельзя, потому что нитки из обрезанных сухожилий уже не сделаешь. Потом, когда сухожилия высыхают, их разделяют на волокна, и кончики волокон должны быть очень тоненькими, чтобы потом женщина смогла в иголочку вставить. А если ножом обрубить от икры, это уже веревка, а не нитка. Ее уже только съесть можно и все, она как жвачка, а шить такой нельзя» [5, с. 56].

Одно из ярких переживаний чавчувенской девочки связано с первой сшитой собственными руками вещью. Первая вещь не всегда получалась удачной. Нина Макаровна Тынанто вспоминала, что первые торбаза хотела сшить для мальчика-подростка Колока, но не удалось хорошо пришить пятку, которая в итоге стала топорщиться. Тогда

Эта конэкавуон кэнахвалитыйвыувоу это самое. Потом спросит: «Йынны этэйкыңын, эльг’а, в’утин, в’ото налгын?» Я эта опять [говорю]: «Колокынаң эта мильгуйичг’ын тыэтэйкыңын. Стаканчик сошью». Она: «А-а, мэтг’аңийитг’эв’нин» (Н.М. Тынанто, запись 2016 г.).

девочка решила подарить сшитые торбаза дедушке. Ему очень понравился подарок. Радуюсь взрослению своей внучки, ее становлению как мастерицы, дедушка постоянно носил сшитые девочкой торбаза и нахваливал ее работу. Похожая история была и в жизни Надежды Семеновны Кузнецовой-Кергувье. На всю жизнь она запомнила, как впервые пришивала полоску из меха выдры к двойной шапке из камусов. Для девочки двенадцати лет это было совсем не просто. В итоге – полоска меха оказалась криво пришита. Бабушка придумала, как поддержать свою внучку: эту не очень удачную шапку бабушка в присутствии девочки подарила приезжему работнику. Он, будучи украинцем, не разбирался в особенностях кройки корякской национальной одежды, поэтому обрадовался подарку. А *Нутэңэв’ыт* увидела, что ее усилия были не напрасны.

Воспоминания о первой сшитой вещи вызывают у рассказчиц противоречивые чувства. С одной стороны, каждая из них гордится тем, что смогла освоить трудоемкую технологию. С другой стороны, в памяти отложилось то отчаяние, которое охватывало в процессе работы, когда никак не получалось сшить аккуратно. Вспоминает Надежда Семеновна Кузнецова-Кергувье: «Посмотрела на меня бабушка и сказала мне: “Ой-ой, дорогая! Прямо как какую-то мешковину ты шьешь! Ты же меховые чулки-памъяты шьешь! Получше старайся! Ох, какие швы огромные, ой-ой, страшилище!” Плохо я сшила, потому что не умела [еще] хорошо шить. А бабушка сказала: “Ну ничего, потом научишься!”»¹⁴.

¹⁴ *Кинэгитэңын анята, кинивың: «Э-э-эк, эльг’а! Г’эт яқом тэқын йынны-қи йынны чеючгын кунниңын г’ам! В’ийин ван памъят кунниңынэт! Мальмэтг’аң қыникэыңэв’! Колё цанотэтгыйынақо, колёнақо емгымгыыйно!»*

Обучение выделке шкур и шитью меховой одежды было неотъемлемой чертой воспитания девочек. По мере взросления, они привыкали к той хозяйственной деятельности, которую вели их старшие сестры, мама, бабушка, тети. Девочки воспринимали шитье из оленьих шкур как требующую усердия, но необходимую ежедневную домашнюю работу, вне которой жизнь корякской женщины была невысказана. Показателем взросления девочки был уровень ее мастерства, ее опыт освоения сложной технологии пошива национальной одежды.

Нельзя сказать, что в традиционной культуре коряков-чавчуменов положение женщины было принижено. Это не так. Однако жизнь женщины казалась девочкам не такой интересной, не настолько насыщенной событиями и острыми ситуациями, как жизнь отца, дедушки или братьев. Все наши рассказчицы, вспоминая свои детские переживания, говорили о своем страстном желании участвовать в мужском промысле: пасти табун, охотиться, рыбачить. Лилия Александровна Аймык вспоминает: «Я как пацанка все время была. Все время с братьями. Одноклассник моего брата говорит: “Я с вавой и татой пойду на летовку в частный табун”. У меня в груди все закипело, я только пятый класс окончила. Я прямо не знала, как жить дальше. Как же так?! Я останусь в поселке, а они втроем на летовку¹⁵ пойдут! Они будут

Кэжв’ау тыкунниунэв’, мыев’ актыка мэт’ау мыннинав’. А эвын аня: «Кун эмэлкэ, выг’аёк ямитытвиу.» (Н.С. Кузнецова-Кергуйе, запись 2019 г.).

¹⁵ Летовка – процесс выпаса оленей в летний период. Вплоть до 1980-х гг. существовала практика перегона оленьих табун к морскому побережью, где олени могли питаться морской травой и пить морскую воду, что укрепляло иммунитет животных

в тундре! Они будут на лошадях ездить! Они будут стрелять! Они будут на лодке на море! Как я могу остаться?! <...> Я так с ними хотела, готова была горы свернуть, только отпустите меня на летовку!» [5, с. 63]. Показательно, что мама пообещала отпустить дочку на летовку при условии, что девочка поможет перешить покрытие юрты, обновив ветхие шкуры. Лилия Александровна продолжает: «Двенадцать лет мне было. И вот начали мы шить верх юрты. Надо было сшить между собой шкуры: три вверху и пять внизу. Я думала, что никогда не закончу. Время идет, скоро уже на летовку. А я все шью и шью. Это уже то дело, за которое тебя уважают. Мама мне кроила, а я все пришивала. А шкуры толстые, сшивать было трудно. Дети бегают, а я все шью, так сильно хотела на летовку. И все-таки мы успели. И вот меня отпускают на летовку с братьями!» [Там же].

Девочки могли участвовать в мальчишеских играх, несмотря на то, что старшие женщины журили их за это. Детские игры были непосредственно связаны с промысловой деятельностью. Одна из любимых игр чавчувенских мальчиков – соревноваться в ловкости набрасывания аркана на ветки, кусты или установленные на земле рога оленя. Нина Макаровна Тынанто вспоминает, что любила вместе с мальчишками накидывать аркан на кусты или оленьи рога. Бабушка мягко, но настойчиво объясняла ей, что девочка должна вести себя иначе: «Чуть погодя [бабушка] Эпэ выходит [из юрты]: “Подруга!” Я иду [к ней]. “Дорогая, мы ведь женщины. Ты же не мальчик, ты девочка”. И захожу [в юрту].¹⁶

и служило основанием для благополучного зимнего выпаса [10, с. 104–106].

¹⁶ «Мэллэкэ титэ Эпэ коутогаг’ау: «Эльг’а!» Тыкуетын. «Эльг’а, амин эльг’амоё». А-а, ты ж не мальчик, эльг’айгэ. И захожу»

В корякской традиционной культуре была примета: если девочка играет в мальчуковые игры, то это отрицательно скажется на практике шитья. Нина Макаровна продолжает: «Постоянно [бабушка] говорила мне: “Когда вырастешь, начнешь шить, иголки всегда ломаться будут, если по-мальчишечьи будешь играть”. Я думаю: “Да откуда иголки узнают, что я маленькой по-мальчишечьи играла?” А сейчас иголку хорошо наточу, начинаю шить – ломается иголка. Правильно, называется, в детстве [бабушка говорила]. То ли рука уже как-то по-другому стала [двигаться], я не знаю. В самый неподходящий момент ломается иголка!»¹⁷

С юмором рассказчицы вспоминают о детских играх, которые сейчас могут показаться экзотическими. Мальчишки добывали сусликов, словно диких оленей. А девочки разделявали тушки добытых зверюшек, представляя, что разделявают олени туши. Потом подвешивали консервные баночки-котелочки над костром и варили сулятину. Детские игры полностью соответствовали тому быту, который окружал детей в семье.

Принципиально важно, что в традиционной культуре коряков-чавчуменов пересечение гендерных барьеров для девочки-подростка было не только возможно, но даже типично. Братья, отец, дедушка

(Н.М. Тынанто, запись 2016).

¹⁷ *Ҕонпын кэнэ’уывоу: «Титэ емэйүэтың, яңвоу в’аңэк, титив’ Ҕонпын ячемал-лайкэ, үвээк ҕайыкмэңыч’энау юйичвэтики». Тыкыву: «Эмэн титив’ откуда тититэ лиги нэн’ылыгымы, что маленькая ҕайыкмэңыч’энау тыкуйичвэтың?» А сейчас тыкоңвоу в’аңэк, титиңэ мэтг’ау тыкупнэңын, мэтг’ау, тыкоңвоу в’аңэк — кучиматың титиңэ. Правильно, ҕиңын, в детстве... То ли рука уже миңкые аму кунг’элың, я не знаю. В самый неподходящий момент ломается иголка! (Н.М. Тынанто, запись 2016).*

охотно принимали ее в свой круг. Рассказывает Лилия Александровна Аймык: «Коля, двоюродный брат, на два года меня старше, а Андрей, родной брат – на три. Они смотрели на меня всегда как на равную. Никогда не было ограничения: “Ой, ты девочка, зачем тебе ружье давать!” Никогда такого не было. Дали ружье, патроны, лодку. Даже не думали никогда: “А вдруг она не сможет переправиться?” Села сама с ружьем в лодку и поплыла. А они где-то там стреляют. Мне всего тринадцать лет было. Там такое течение сильное. Сейчас думаю, как же они меня отпускали?» [5, с. 64]. Для чавчувенской девочки не существовало запретов в общении, она свободно общалась с ровесниками и старшими родственниками, независимо от их пола.

Надежда Семеновна Кузнецова-Кергувье вспоминала, что дедушка *Ынмаҕач* учил ее мужской работе: за табуном ходить, охотиться на тюленей, на горных баранов, ловить сетями рыбу: «Дедушка всегда относился ко мне не как к девчонке, а как к пареньку»¹⁸. Бабушка позволяла ему брать внучку и на охоту, и в табун, хотя ругала его за это: «Всегда бабушка начинала говорить: “Словно к мальчишке к ней относишься, ей бы, прежде всего, шить надо учиться. А ты все время ее, как мальчишку, постоянно повсюду таскаешь”»¹⁹. Иногда дедушка давал своей подрастающей внучке ружье и поручал подстрелить несколько уток на еду. *Нутэңэв’ыт* приходила к озеру и, восхищаясь грацией уток, замороженно наблюдала за их жизнью. Ей казалось, что они

¹⁸ *Аппапиляҕа ҕонпын кэнагэтаңвоу, тэҕын эвэлг’игым эль’апэлякэйгым, тэҕын г’оячекэйгым* (Н.С. Кузнецова-Кергувье, 2019).

¹⁹ В связи с установленным объемом публикации далее цитаты из оригинального корякского текста представлены только в переводе.

разговаривают между собой. Рука не поднималась сделать выстрел. Охотница ни с чем возвращалась домой. Бабушка и дедушка по-доброму шутили над ней: дескать, с таким охотником можно и с голоду умереть.

Участие в мужском промысле девочке далеко не всегда было по силам. И в этом наши рассказчицы искренне признавались. Надежда Семеновна Кузнецова-Кергувье вспоминала, как они с дедушкой отправились охотиться на тюленей. Среди высоких скал эхо многократно усиливало звучание выстрела. Выстрел – и полная тишина. Девочка *Нутэңэв'ыт* поняла, что совершенно ничего не слышит. Она подумала, что потеряла слух навсегда. Дедушка привез ее, оглохшую, к бабушке в ярангу. Слух восстановился только через две суток. В другой раз вместе с дедушкой она отправилась охотиться на диких баранов. Высоко взобрались на скалы. Дедушка предупредил внуку: «Ни в коем случае не смотри вниз». Но бойкая *Нутэңэв'ыт* только и думала: «Что же там такое? Почему дедушка не разрешает смотреть вниз?» Тихонечко, чтобы дедушка не увидел, она решила одним глазочком посмотреть вниз. Только глянула – и все... Что было дальше, не помнит совершенно. Очнулась она у подножья скалы, куда дедушка принес ее на руках. Дедушка не ругал ее, а потихоньку стал объяснять, что *нельзя смотреть вниз, когда находишься на вершине*.

Самые яркие воспоминания девочек связаны с образами дедушки или отца. Отношения с мамой или бабушкой воспринимаются как обыденные, в большей степени повседневные. Воспоминания о старших женщинах семьи сопряжены с

описанием хозяйственных занятий или совместным участием в трудоемких обрядах разжигания огня при помощи ритуального охранителя *гычгый*. Лилия Александровна Аймык рассказывает о своих чувствах во время проведения этого ритуала: «Как нас гоняли на этих идолах. Разжечь огонь – это тяжелый физический труд. И с детства постоянно говорит нам [мама]: “Ну-ка, бери”. <...> А он [кочок сухой травы] все не горит, он только скрипит. Уже ни рук, ни ног ничего не чувствуешь, уже пот градом, но все равно надо долбить. Рука уже немеет от этих движений. Уже третий человек подходит и давит сверху на твою руку, которая лежит на косточке. <...> Я, например, держу косточку, а моя напарница, сестра, она еще придавливает своей рукой мою руку сверху. <...> И вот так вот крутишь-крутишь-крутишь. Такая проверка силы воли, силы духа. Если на полпути бросил, все, ты никто. Ты не состоишься в жизни. Женщины разжигали» [5, с. 54].

Старшие женщины обучали девочек тем обязанностям, которые были необходимы для поддержания благополучия семьи. В противоположность рутинным женским занятиям, участие в мужском промысле воспринималось девочками как авантюрное приключение с благополучным финалом. Так, Нина Макаровна Тынанто хорошо запомнила, как они с дедушкой, возвращаясь с рыбалки, столкнулись с медведем буквально лоб в лоб. Спустя годы рассказчица поражалась спокойствию дедушки: «И вот так стоим, смотрим на него. И он тоже на нас [с дедушкой] смотрит. Тогда Кымма-дедушка говорит: “Посидим, посидим, старушка”²⁰. И вот мы сели. Он

²⁰ Обратим внимание читателей на тот факт, что дедушка называл свою внучку *чачамэ* ‘старушка’, что обусловлено верой коряков в реинкарнацию души. Влияние

вот так сел, а я с этой стороны. Говорит мне: "Покурю-ка, давай отдохнем". Трубку [набил табаком], и закурил. Смотрит на нас пристально медведь. А [дедушка] тихонечко, спокойно потом эту трубку вот так вытряхнул и песню запел. Запел, запел, вот так поет, а когда поет, вообще ничего я не боюсь, потому что песня эта звучит. Не страшно. Потом медведь этот обратно отправился. Мы вдвоем [с дедушкой] здесь еще посидели, не пошли за ним» (Н.М. Тынанто, запись 2016 г., перевод с корякского).

Каким бы идеальным ни казалось детство спустя годы, тем не менее, система запретов – это неотъемлемый его атрибут. Наказание – одно из сильных детских переживаний. За что и как наказывали девочек в корякских семьях? Надежда Семеновна Кузнецова-Кергувье вспоминает, как она вместе с двумя другими сверстниками (детям было примерно по восемь лет), наткнулась на эвенское захоронение, которое находилось недалеко от места летней рыбалки на Пилгывэем.

Дети увидели белый человеческий череп, а рядом – красивейший бисер. В восторге девочки начали собирать этот бисер в подол. Радостные, прибежали в стойбище, принесли с собой ценные находки. Показательна реакция взрослых: ужаснувшись произошедшему, они, тем не менее, не ругали детей. Внушительно и осторожно объяснили им, какой страшный поступок они совершили. Взрослые велели детям отнести всё найденное обратно. Рассказчица вспоминает свои детские чувства: жалко было расставаться с красивым бисером, но, если взрослые настаивают, значит, надо вернуть. Приближение к данной мировоззренческой установки на процесс воспитания детей рассматривается в настоящей статье далее.

границе сакрального пространства не прошло даром. Все три ребенка тяжело заболели. Три дня они были в бреду и только после того, как родители принесли жертву, дети стали выздоравливать. Этот эпизод из своего детства Надежда Семеновна рассказывала с назидательной интонацией, убежденная в необходимости соблюдения запретов.

Место захоронения – особое сакрализованное пространство, к которому не стоит приближаться²¹.

²¹ Сакрализация мест захоронения и стремление дистанцироваться от них закреплены в традиции, что обусловлено в том числе и рядом биологических причин. После смерти организма его плоть подвергается действию бактерий, разлагающих сначала мягкие ткани, а потом и более твердые. Микробом трупа (некробиом) остается после смерти организма и полного разложения мягких тканей. Микроорганизмы сохраняются в пористом веществе костей. При контакте с живым материалом бактерии выходят из анабиозного состояния цист и поражают живые ткани. Даже по истечении 50–70 лет некробиом может полностью восстановиться при контакте с новым веществом. Во время контакта живого организма с мертвыми тканями, помимо заражения некробиомом, происходит отравление птомаинами – трупными ядами, которые вызывают отравление всего организма. Дети, собирая бисер, невольно контактировали с трупным материалом. Это привело к заражению некробиомом и птомаинами, что вызвало заражение и, как следствие, воспаление организма. Скорее всего, некробиом попал на слизистую оболочку: достаточно непомытых рук во рту, чтобы вызвать такой эффект. Если бы в тот момент кто-то из детей порезался, то могло бы произойти заражение крови, негативные последствия которого намного серьезнее, так как некробиом вместе с током крови распространился бы по всему организму. Стремление дистанцироваться от мест захоронения устойчиво сохраняется в человеческой культуре. Появление и устойчивость этой традиции обусловлено не только мифологическими представлениями, но и примерами смертей в результате контакта живых людей с останками умерших на местах захоронений (уст-

По своему детскому озорству и незнанию, дети нарушили запрет и поплатились. Произошедшая ситуация, даже спустя годы, сохранила свою мистическую наполненность для рассказчицы. Надежда Семеновна повествует о ней осторожно, словно боясь потревожить потенциально опасную сферу. В одном повествовании проявляются диаметрально противоположные оценки восприятия одного и того же события: детский восторг от неожиданной находки, негодование взрослых и рассудительное мнение рассказчицы спустя шестьдесят пять лет.

В корякских семьях система запретов была связана не с бытом, а с ритуальными, знаковыми для культуры ситуациями и воспринималась детьми естественно, по мере их взросления и участия в ритуальных практиках. Необходимо отметить интересный момент: коряки не били своих детей. Этнограф и лингвист С.Н. Стебницкий, работая учителем в корякской школе, поражался тому, что коряки никогда не применяли физические наказания: «О шлепках и побоях по отношению к детям коряки говорят с глубоким возмущением, резко осуждая за это русских родителей» [2, с. 43]. Дело не в идеализации традиционного этнического мира, а в реальных особенностях восприятия феномена детства в корякской культуре, один из базовых мировоззренческих принципов которой – вера в реинкарнацию.

Привычное для русской патриархальной семьи несколько приниженное положение ребенка совершенно не характерно для корякской культуры, в которой отношение к детям было по-особенному уважи-

ное пояснение палеобиолога Ольги Дантес, 21.02.2024).

тельным, что обусловлено верой в реинкарнацию. Эту этнически обусловленную особенность общения коряков с детьми отмечал и этнограф С.Н. Стебницкий: «Вообще надо сказать, что резкого разделения на детей и взрослых у коряков нет. <...> За общей беседой их слово выслушивается так же внимательно, как и речь взрослых» [Там же, с. 42]. Согласно традиционным корякским верованиям, душа старшего родственника перерождается в теле потомка [2, с. 40; 9, с. 170–173; 10, с. 120, 121]. Отсылки к особенностям воспитания в условиях веры в реинкарнацию есть у каждой из наших рассказчиц. Так, Нина Макаровна Тынано объясняет: «Дедушка по отцовской [линии], папин отчим Кымма. Его первая жена Юлтын. Вот в честь нее меня родили. Имя у меня Юлтын, [как у нее]. Кымма дедушка меня “ча-чамэ” звал, ‘старушка’. <...> [Вторая] его жена Ымак. Мы с Ымак между собой как подруги, друг друга “эльа” ‘подруга’ называли. А [дедушка] Кымма меня старушкой считал, потому что его жена Юлтын умерла, и вот я родилась – Юлтын. <...> Папа никогда не ругал меня. Всегда спокойно так разговаривал. “Мама” он меня звал. Начинает чай пить: “Ну что, мама, как вы тут живете?”» (Н.М. Тынанто, запись 2016 г., перевод с коряк. яз.).

Лилия Александровна Аймык рассказывает: «Моя бабушка Льятына, мама моего отца, умерла. Ее сын, мой отец, женился: и я снова родилась, снова я, Льятына, живу. Мой отец Аймык умер: родился мой сын Женя – Аймык. Снова он живет. Я как мама, он как сын. Все у нас опять на своих местах. Он – сын, я – мама. А до этого было: он – папа, я – дочка» [5, с. 65].

Интересно, что душа старшего родственника-мужчины может воплотиться в новорожденной девочке и наоборот, душа женщины

может переродиться в теле новорожденного мальчика. Александра Алексеевна Кергильхот так рассказывала о перерождении в своей семье: «Моя сестренка Нина, по-нашему Мамучьын, – это мама отца, он свою мать родил, так о ней заботился, что она очень избалованная с самого детства. А я – его дядя. Меня никогда не ругали, просто разговорами наставляли, как идти по жизни» [6, с. 138]. В традиционных представлениях коряков о душе гендерные характеристики личности предстают как условные, непринципиальные. Как отмечает Л.Н. Хаховская, в подобных случаях проявляется «гендерная инверсия», при этом «совершенно незазорно, чтобы женщина возродилась в мужчине, и наоборот» [9, с. 172]. Вера в реинкарнацию отчасти сохраняется среди коряков по сей день [11]. Возможно, устойчивость этих верований обусловлена их психотерапевтическим эффектом, который помогает человеку смириться с утратой близкого. Благодаря вере в реинкарнацию жизнь конкретного человека вплетается в ту семейную историю, которая началась задолго до него, и в контексте которой он переродился не только как ребенок, но и как старший родственник.

Заключение. В связи с кардинальными изменениями хозяйственного уклада корякская культура в ее традиционном бытовании практически исчезла к началу XXI в., однако пока она сохраняется как мемориальная в памяти этнических коряков старшего и среднего поколений. В устных историях о детстве проявляются элементы избирательной проекции: рассказчицы стараются детально воссоздать особенности уже почти утраченного быта. В воспоминаниях чавчувенских женщин старшего поколения детство среди

близких родственников представляется временем свободы, огромных пространств тундры, любви и заботы, радости общения в родной семье. Коряки-чавчувены исторически всю свою жизнь проводили в кочевьях, следуя за табунами оленей, поэтому и мальчики, и девочки воспринимали кочевой образ жизни как наиболее желанный. Мужская деятельность была привлекательна для девочек, так как предполагала пересечение больших пространств и непредсказуемые события. Старшие женщины учили девочек скручивать нити из сухожилий оленя, выделывать оленьи шкуры, шить и кроить из меховых шкур одежду. Освоение чавчувенской девочкой сложной технологии шитья из оленьих шкур воспринималось как показатель ее взросления. Рассказы о детстве в родной семье передаются женщинами старшего поколения с интонацией душевной теплоты и ностальгии по ушедшему миру чавчувенского стойбища.

Литература (источники)

1. Хаховская Л.Н. Традиционное летоисчисление эвенов и коряков Магаданской области (в связи с современными этническими праздниками встречи Нового года) // Вестник Северо-Восточного научного центра ДВО РАН. 2023. № 3. – С. 88–101.
2. Стебницкий С.Н. Корякские дети // Советский Север. 1930. № 4. – С. 39–47.
3. Qeccaj Kekketyn. Kalejlyhjon. Vitkukin kalikal kalejlyhjolqyl vitkukinek klassbk sawsya-kalejak. Кецай Кеккетын. Книга для чтения. 1-я книга для чтения на нымьланском (корякском) языке для 1-го класса нымьланской начальной школы / под ред. С.Н. Стебницкого. – М.; Л.: Учпедгиз, 1936. – 103 с.
4. Пушкарева Н.Л. Предмет и мето-

ды изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. – С. 3–19.

5. Голованева Т.А., Мальцева А.А. Голоса корякской культуры: Лилия Аймык / отв. ред. Е.Н. Кузьмина. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2015. – 172 с.

6. Мальцева А.А., Голованева Т.А., Тирон Е.Л. Голоса корякской культуры: Александра Кергильхот / отв. ред. Н.Б. Кошкарёва. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2019. – 272 с.

7. Краюшкина Т.В. Представляя рубрику // Россия и страны АТР. 2019. № 4. – С. 5–7.

8. Гурвич И.С., Кузаков К.Г. Корякский национальный округ (Очерки географии, истории, этнографии,

экономики). – М.: АН СССР, 1960. – 303 с.

9. Хаховская Л.Н. Культура этнолокального сообщества: Коряки села Верхний Парень. – М.; СПб.: Нестор-История, 2018. – 280 с.

10. Культура камчатских коряков-чавчуменов второй половины XX века по воспоминаниям Н.И. Тынетэгина / сост. Т.А. Голованева. – Новосибирск: СО РАН, 2023. – 252 с.

11. Голованева Т.А., Тирон Е.Л. Национальные имена, личные песни и семейные предания как способы трансляции семейно-родовой истории в культуре коряков-чавчуменов // Сибирский филологический журнал. 2024. № 1. – С. 9–25.

Статья поступила в редакцию 27.02.2024; одобрена после рецензирования, принята к публикации 02.04.2024.
The article was submitted 27.02.2024; approved after reviewing, accepted for publication 02.04.2024.

Research article

Journal "Education of schoolchildren" № 5. 2024. Ethnopedagogy. P. 68-80

Traditional upbringing of girls in the families of Kamchatka Chavchuchen Koryaks in 1950-70s (on the material of women's memories of childhood)

Tatiana A. Golovaneva – PhD of Philology, Senior Researcher at the Department of Folklore of the Peoples of Siberia, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk, gta-77@mail.ru

Annotation. The article analyzes gender aspects of girl's upbringing in the traditional culture of Kamchatka Chauchuchen Koryaks (Deer Koryaks). The study was conducted on the material of oral autobiographical memoirs recorded between 2009 and 2023 from the older generation of Chauchuchen women who grew up in a traditional ethnic environment in the 1950–70s. In Koryak families, the indicator of a girl's maturation was her skill level: experience in mastering the complex technology of sewing from reindeer skins. Girls of seven or eight years old were taught to twist thread from reindeer tendons, dress reindeer skins, and sew fur clothing. However, the Chauchuchen girls were also attracted to men's trade: participation in herding, hunting snow sheep, hunting seals, fishing. The Chauchuchen Koryaks historically spent their entire lives nomadic, following herds of reindeer, so both boys and girls perceived the nomadic lifestyle as the most desirable. In the Chauchuchen Koryak culture, crossing gender barriers for an adolescent girl was not only possible, but even typical. Her brothers, father, and grandfather willingly welcomed her into their circle. Another unique feature of the Koryak upbringing system is the Koryak belief in reincarnation. The child was treated according to the soul of the older relatives who had been reborn in him or her. There is no evidence of physical punishment of children in Koryak families. Prohibitions were not related to everyday life, but to ritual, culturally significant situations and were perceived by children naturally as they grew up and participated in ritual practices.

Keywords: Arctic peoples, aboriginal peoples of Kamchatka, Koryaks, Chauchuchens, traditional Koryak culture, ethnopedagogy, family upbringing, childhood, childhood memories, ego-narratives, belief in reincarnation, historical ethnology, gender research, women's everyday life

For citation: Golovaneva T.A. Traditional upbringing of girls in the families of Kamchatka Chavchuchen Koryaks in 1950–70s (on the material of women's memories of childhood) // Education of schoolchildren. 2024. №5. P. 68-80. DOI: 10.47639/0130-0776_2024_5_68

**«Традиционное воспитание девочек в семьях камчатских
коряков-чавчуменов в 1950–70-е гг.
(на материале женских воспоминаний о детстве)»**

(к статье Т. Голованевой)

Лилия Александровна Аймык (в замужестве Аслапова), чавчунское имя Лыг'атыңа, 1970 г. р., уроженка окрестностей с. Верхние Пахачи Корякского национального округа. г. Петропавловск-Камчатский, 27 апреля 2019 г.

Фото Т.А. Голованевой

Нина Макаровна Тынано (в девичестве Юлтын), чавчунское имя Юлтын, родилась в 1942 г. в окрестностях с. Слаутное Пенжинского района Корякского национального округа. г. Петропавловск-Камчатский, 18 июля 2015 г.

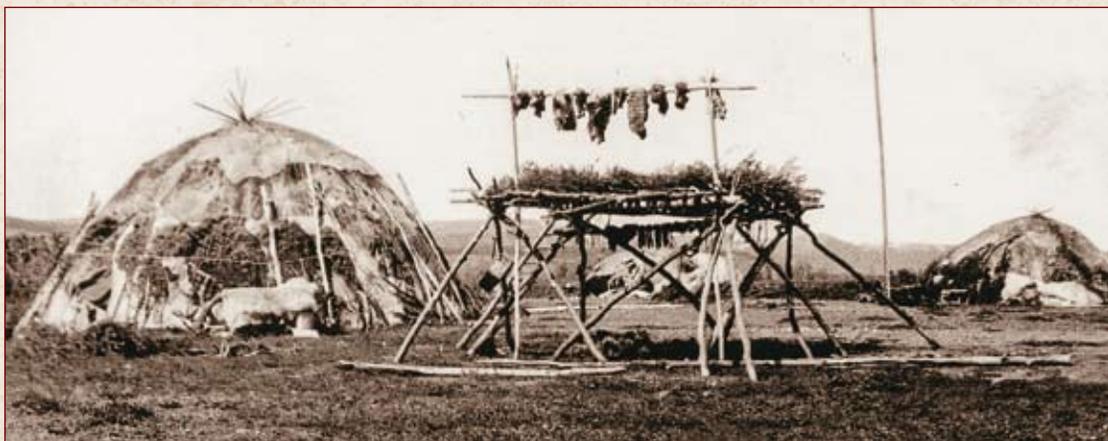
Фото Т.А. Голованевой

Александра Алексеевна Кергильхот с внучкой Севериной. А. А. Кергильхот (в замужестве Симонова), чавчунские имена Ётты и Мамак, 1951–2016, родилась в с. Ветроваяя (по паспорту – в с. Ветвей) Олюторского района Корякского национального округа. г. Петропавловск-Камчатский, 4 сентября 2010 г. Празднование Дня города. *Фото из личного архива А.А. Кергильхот*

Лилия Александровна Аймык (Аслапова) рассказывает о традиционной технологии пошива национальной (чавчунской) одежды из оленьих шкур. г. Петропавловск-Камчатский, 27 апреля 2019 г.

Фото Т.А. Голованевой

Чавчунская яранга и вешала. Окрестности с. Ачайваям. 1980-е гг.
 Фото из личного архива А.А. Кергильхот

Инна Кергуйе, чавчунское имя Клюк, старшая дочь Надежды Семеновны Кузнецовой-Кергуйе, в детском меховом комбинезоне кейкей, который сшила бабушка Муллиңэ. с. Верхние Пахачи Олюторского района Корякского национального округа, 1970 г.
 Фото из личного архива Н.С. Кузнецовой-Кергуйе

Надя Нутенеут –
 второклассница школы-интерната с. Верхние Пахачи Олюторского района Корякского национального округа, 1959 г.
 Фото из личного архива Н.С. Кузнецовой-Кергуйе
 (в девичестве Нутенеут)

Надежда Нутенеут – студентка торгового училища. г. Петропавловск-Камчатский, 1966 г.
 Фото из личного архива Н.С. Кузнецовой-Кергуйе
 (в девичестве Нутенеут)

Слева Надежда Семеновна Кузнецова-Кергуйе (в девичестве Нутенеут) чавчунское имя Нутэңэв'ыт, 1949–2023, в национальной камлейке, справа Татьяна Александровна Голованова. пос. Энергетик Елизовского района Камчатского края, 24 ноября 2021 г. Фото Е.Л. Тирон